

A vibrant, painterly illustration of a mountain landscape. In the foreground, three explorers are seen from behind, looking out over a valley. The explorer on the left wears a red tunic and a wide-brimmed hat, carrying a blue satchel. The middle explorer wears a green tunic and a white hat. The explorer on the right wears a brown tunic and a white head covering, also carrying a satchel. They are standing on a grassy slope. In the middle ground, a small wooden cabin with a red roof sits on a hillside. A bright blue lake is nestled in the valley, reflecting the surrounding greenery. In the background, majestic mountains with patches of snow rise against a blue sky with a few birds. The overall scene is one of a remote, beautiful wilderness.

Ксения Захарова

**Древние
тайны
народа
Журчунов**

Ксения Захарова

Древние тайны народа Журчунов

«Автор»

2025

Захарова К. Д.

Древние тайны народа Журчунов / К. Д. Захарова — «Автор»,
2025

Рассказ о веселом народе Журчунов на первый взгляд кажется самым обыкновенным. Но с каждой прочитанной страницей история захватывает читателя, увлекая все новыми и новыми подробностями. Главный герой Лавруш вместе со своими братьями во время опасного похода за целебной солью столкнется с большими трудностями, а их приключения откроют множество секретов и наполнятся чередой мистических событий. Журчунам предстоит, рискуя жизнями, отыскать подгорный город с его целебным озером, подружиться с таинственным народом Гудди, спасти своих родителей, а потом и всю деревню, обманув владыку ущелья и злобного черного принца, постараться не погибнуть в блуждающих водоворота "гиблой" реки. А самое главное, узнать великую тайну старой ведуньи Веды. Ну, а дружба с пеликаном дядюшкой Лирой добавит истории немного юмора

© Захарова К. Д., 2025

© Автор, 2025

Ксения Захарова

Древние тайны народа Журчунов

Предыстория

Путь в соляную пещеру лежал через ущелье, в котором, по древней легенде, обитал жуткий Свист, охраняющий целебную соль. Отважиться на опасное путешествие и добыть ту самую соль могли только сильные и отважные смельчаки. По ночам Свист покидал свою келью и, скрываясь среди камней, наводил страх на всю округу дикими, жуткими завываниями. Никто толком его не видел, поэтому существовало много рассказов о страшной внешности владыки ущелья, и каждый представлял Свиста по-своему, воплощая в жутком образе свои самые сильные страхи и опасения. Местные жители – Журчуны – верили, что задобрить свирепого соседа можно чудесными яблоками из своих садов, и каждый год, когда созревал новый урожай, приносили к жертвенному камню спелые плоды. Но сначала на общем совете жрецов во главе с мудрой ведуньей выбирали самых достойных представителей деревни, которым предстояло отнести дары злобному Свисту и добыть соль из пещеры для жителей деревни.

Деревня Журчунов

Деревня Журчунов, затерянная среди многочисленных холмов, поросших густым лесом, буквально утопала в зелени яблоневого сада. Маленькие уютные глиняные домики с соломенными крышами почти на половину были закопаны в землю, поэтому округлые окошки, украшенные занавесочками из птичьего пуха, располагались почти возле самой крыши. Чтобы зайти в такое жилище, необходимо было спуститься по земляным ступенькам, оформленным черепками от глиняной посуды, и открыть тяжёлую, на первый взгляд, дверь, покрытую коваными прутьями или пластинами, похожими на рыбью чешую. Пол в домиках выстилался плетёным ковром из веток орешника или другого дерева. В зависимости от достатка хозяина орнамент, цвет и используемые ветки были весьма разнообразными. Мебель тоже предпочтительно плели из веток, и даже стены украшали причудливые древесные узоры. В главной комнате располагался камин, выложенный вокруг камнями. Чтобы искры из трубы не попадали на соломенную крышу, её делали очень длинной. За счёт своего особенного местоположения в домах сохранялась постоянная температура – зимой в них было тепло, а летом прохладно.

Свои съестные запасы Журчуны хранили на отдельно от дома стоящих кухнях в специально оборудованных погребах. Жили очень дружно и мирно, помогая и подбадривая друг друга. Появление на свет нового Журчуна или уход в мир иной старого отмечали всей деревней, а что уж говорить о рождении новой семьи! Такое событие праздновали несколько дней.

Во главе деревни стояли старейшины родов, они решали многие вопросы и разногласия среди жителей, искали способы защиты и умирения духа из ущелья, проводили состязания по выбору смельчаков для похода в пещеру за солью, но ни одно решение не принималось без участия мудрой ведуньи. Худая, маленькая и седая старуха считалась единственной живой свидетельницей, которая собственными глазами ясно видела того самого духа – злобного Свиста. Она была такой старой и дряхлой, что, казалось, даже сама не помнила всех подробностей тех далёких событий. Никто и не настаивал на более подробном рассказе, дабы не менять уклад жизни, сложившийся за много лет.

Жизнь в деревне текла своим чередом. Из года в год, после прохождения определённого обряда, избранные смельчаки, с мешками яблок наперевес, а также вооружившись острыми кирками для дробления соляных глыб, отправлялись в пещеру. Целебная соль и яблоки являлись важными составляющими жизни Журчунов. Щедрые плоды яблоневых садов отличались

особыми свойствами. Из них делали мази, варили отвары, добавляли к всевозможным снадобьям от всех болезней, а также готовили самые вкусные кулинарные шедевры, джемы и сладости, белый квас и наливки, славившиеся далеко за пределами деревни. Торговцы из других поселений и деревень с радостью покупали яблочные деликатесы или обменивали на свои товары во время сезонных ярмарок.

Что касается соли, то Журчуны считали её целебной, влияющей на рост и густоту волос, бород и, конечно же, усов – эталона красоты не только у мужчин, но и у женщин. Да, да, у женщин, ведь у Журчунов невесту выбирали именно по усам. Правда, они были не такие длинные и густые, как у мужчин, но всё равно ими гордились и тщательно ухаживали за их ростом. Мужская половина Журчунов в основном была одного роста, крепкие, коренастые, с короткими по отношению к туловищу ногами, зато сильными и мускулистыми руками, темноволосые, но чаще рыжие всех оттенков. Они носили широкополые шляпы и свободные шаровары с рубашками навыпуск, подпоясанными кушаками с кисточками.

Слабая половина Журчунов, то есть женская, была не такой уж и слабой, скорее наоборот. В силе и ловкости женщины не уступали мужчинам, если это касалось работы по хозяйству, но вот в походах за солью они не участвовали, это была сугубо мужская обязанность. Местные модницы предпочитали однотонные платья чуть ниже колена и переднички в тон с круглыми чепчиками, без ограничений по цвету и количеству рюшек. В отличие от мужчин они могли быть разного роста и телосложения, но обязательно с ухоженными волосами и усами. Считалось плохим тоном, если цвет усов отличался от цвета волос, тогда Журчунам приходилось подкрашивать их, делая более-менее одного цвета. Из целебной соли готовили лосьон по древнему рецепту, с добавлением трав, ягод, помёта определённых птиц, ну и, конечно же, яблок. Необходимо было соблюсти все пропорции, иначе действие снадобья могло стать губительным или не иметь ожидаемого эффекта. Появление растительности на лице девушки свидетельствовало о том, что она стала совершеннолетней и готова к замужеству, у молодых людей же это означало право принять участие в обряде по выбору смельчаков для похода в пещеру за солью.

Дорога до пещеры, через ущелье и обратно, особой сложностью не отличалась, если бы не долина термитников с её мистическими призраками, а также густые заросли мучника. Путь обратно всегда был приятнее и быстрее, несмотря на все преграды, попадающиеся на пути. Когда-то в долине обитало много термитов. Они строили многоэтажные дома и жили в гармонии с природой и местными обитателями. Но однажды на эти земли выпало так много снега, что весной, когда солнце растопило сугробы и лёд на протекающей неподалёку «гиблой» реке тронулся, началось великое наводнение.

Река вышла из берегов и полностью затопила долину термитников, властвуя на этой территории довольно долгое время. После своего ухода стихия оставила лишь безжизненные истуканы, напоминавшие о былом процветании бесчисленных колоний термитов. Но дома насекомых пустовали недолго. Слуги злобного Свиста из ущелья облюбовали эти места и поселились в мёртвых истуканах. При свете луны от термитников на землю падали тени, которые оживали и начинали хаотично двигаться по земле, напоминая гигантских термитов. Заметив затерявшегося путника, они могли утащить его в ущелье – обитель злобного Свиста – и сделать рабом – такой же тенью, как они сами.

Что касается зарослей мучника, то так называли на вид простое древесное растение, правда, с острыми колючками на стволах. А вот улитки, обитающие на листьях дерева, заслужили дурную славу и вполне оправданно. Их тельца были покрыты жёсткими волосками, которые, попадая на открытые участки тела, вызвали страшный зуд и неудобства, после чего приходилось долго отмывать в бочке с отваром из яблочных косточек. Деревья росли так близко друг к другу, что протиснуться между ними, не зацепив шипы на стволе или не уронив с веток улитку, было невозможно. Особенно мучительным испытанием было для путника – попадание улитки на свежую рану, оставленную шипом от дерева. Конечно, был вариант пойти дру-

гим путём, обойдя заросли мучника, но тогда пришлось бы сплавляться по «гиблой» реке с её странствующими водоворотами, но на это никто никогда не отваживался.

Пробравшись сквозь обитель злобных улиток, дорога делала ещё несколько витков среди холмов и выходила на возвышенность, где взору открывался вид на бескрайние яблоневые сады, изрезанные тонкими нитями ручейков, берущих своё начало из подземных родников, спрятанных от любопытных глаз. Да уж, ручьёв в тех краях было великое множество. Их журчание переливалось от одного ручья к другому, дополняясь по весне пением птиц, зимой нотами своих грустных песен с ними делился ветер, бывало, и дождик подпевал, и вся эта музыка передавала очарование тех прекрасных мест.

Среди народа Журчунов были уважаемые всеми слушатели ручьёв – так называемые Журлики. Они собирали звуки самых почитаемых ручьёв, которых выделялось четыре из общего количества. Круглый год они записывали ручейковые песни с помощью нот, а потом исполняли их на гусях во время обряда предсказаний судеб, который проводился после соревнований по выбору смельчаков, где Журлики выполняли роль жрецов. Свои знания слушатели ручьёв передавали из поколения в поколение и очень строго хранили все премудрости своего ремесла. Помимо собирания звуков, у жрецов была ещё одна особенность – они умели договариваться с пеликанами, живущими на берегах «гиблой» реки. Птицы с причудливыми кожаными мешками на клювах без страха не только гнездились в густых зарослях камыша, но и ловили там рыбу, не опасаясь стать жертвой блуждающего водоворота. Журлики вели с ними выгодный обмен: давали для птенцов пеликанов особый сорт яблок, а те в свою очередь приносили златопёрую рыбу из «гиблой» реки, чешую которой использовали в оформлении переплётов для летописных книг, а также изготовления поделок или украшений.

Проведение обрядов перед походом за солью

Глубокий гортанный звук оповестил округу о начале обряда выбора смельчаков для похода в соляную пещеру. Собравшиеся на площади перед домом ведуньи жители оживились.

Они уже с самого утра толпились в ожидании начала церемонии, но старуха почему-то медлила. Скрытая от посторонних глаз в своём дубоносном доме, колдунья просто задремала, убаюканная монотонным гулом толпы на улице. Её жилище сильно отличалось от маленьких глиняных домиков простых жителей, потому что сквозь его крышу рос большой дуб. Когда-то давным-давно жёлудь закатился под стол и пророс, с годами он превратился в большое дерево с пышной кроной, которая закрывала маленький домик от дождя и солнца, поэтому его и стали называть дубоносным.

На стволе дуба, примерно на уровне крыши, располагалось просторное дупло, служившее своеобразным резонатором для звуков. Когда Веда, именно так звали ведунью, была не такой дряхлой и у неё хватало сил взобраться на крышу дома по лесенке, то она издавала свой призывный клич прямо в дупло, и звук, становясь таким глубоким и мощным, разносился по всей округе, сообщая о начале действия. Но теперь её немощность достигла предела, и местные умельцы специально соорудили длинную трубу, один конец которой, широкий, крепился у входа в дупло, а второй, узкий, располагался у окошка в доме, возле плетёного кресла, где так любила отдыхать ведунья.

С возрастом старуха уменьшилась в размерах, её тело словно высохло, про таких обычно говорят: в чём только дух держится? Покачиваясь в кресле и укрывшись вязаной шалью, она долго могла сидеть у окна, погрузившись в свои видения, медленно пуская дымок из старой, как она сама, трубки. Дым мягко расползлся по дому, окутывая предметы и создавая причудливые фигуры, увлекая сознание всё дальше от реальности, туда, где спокойствие и покой не нарушит даже дуновение ветерка.

Несмотря на раннюю осень, утро было довольно тёплым и солнечным. Шмели и пчёлы продолжали носиться в поисках последних цветов, сонные ящерицы вылезли из своих укрытий и наслаждались последними тёплыми лучами солнца. Веда заметила вдалеке незнакомую

фигуру с котомкой и посохом в руке. «Не поздновато ли для начала путешествия, ведь скоро зима?» – подумалось ей, но присмотревшись, поняла, что это не местный житель. Жмурясь от солнца, Веда пыталась разглядеть его, но фигура стояла неподвижно под защитой яркого света. Неизвестно откуда взявшееся беспокойство стало нарастать, и вот уже оно превратилось в панический ужас, но ведунья продолжала смотреть на путника, не в силах даже пошевелиться. Вдруг фигура резко повернулась и, словно крылья птицы, распахнула лохмотья, закрыв ими яркие лучи солнца, одновременно издав такой протяжный и пронизывающий звук, что камни посыпались со скал. Веда стала кричать, но не слышала своего голоса. В следующее мгновение она подскочила в кресле и, ударившись головой об трубу для оповещения жителей, замерла в неестественной позе. Звук всё ещё продолжал звенеть в ушах, тело затекло и не слушалось. Курительная трубка упала, оставив на полу кучку ещё дымящегося табака.

Постепенно сознание вернулось, и она поняла, что находится у себя в доме, а звук в ушах не что иное, как хлопанье крыльев. Ну конечно, это пеликаны явились на такое значимое для деревни событие. Осознав до конца, что это всего лишь очередное бредовое видение, колдунья собралась с силами и, прильнув к трубе, издала свой загадочный клич, призвав тем самым собравшихся к порядку и тишине. В проведении соревнований на силу и ловкость Веда не участвовала, для неё было куда важнее заглянуть в душу каждого участника после прохождения всех состязаний. Даже если кандидат с отличием проходил все испытания, но Веда не видела в его душе того, что было известно ей одной, то участник отсеивался, оставляя за собой право, попытаться пройти весь этот путь в следующий раз. Из всех претендентов выбирали четверых Журчунов, по числу самых почитаемых ручьёв, после этого они становились особенными, то есть Журичами. Названные ведуньей смельчаки отправлялись к жрецам Журликам для проведения обряда предсказания судьбы.

Таинство совершалось на выложенной круглыми булыжниками площадке, окружённой плотно стоящими друг к другу каменными глыбами. В центре зажигали большой костёр, и под звуки гуслей, исполняющих мелодию самых почитаемых ручьёв, участники обряда становились вокруг, а старая Веда бросала в огонь куклу, тщательно сплетённую из особых трав и яблочных листьев от самой старой яблони Ялуни, духу которой поклонялись жители и каждую весну устраивали праздник жизни в её честь. Дым от куклы, наделённый приятным ароматом, становился с каждым мгновением всё гуще и, наконец, достигал такой плотности, что даже костёр было трудно различить в белой пелене, которая проникала в лёгкие, наполняя душу и тело ощущением спокойствия и полного умиротворения. Журлики извлекали из своих гуслей волшебные звуки ручейковых переливов, и каждый из участников процесса словно парил в невесомости, отдыхая от целого дня испытаний и соревнований, и только старая Веда пыталась разглядеть что-то в этом белом дыму или, наоборот, боялась увидеть, медленно двигаясь вокруг мерцающего огня, бормоча себе под нос не понятные для окружающих слова. Постепенно дым рассеивался, замолкали гусли, возвращались в реальность и участники обряда. Четыре Журича приклоняли колено перед ведуньей в ожидании её благословения. Веда собирала в чашу пепел от истлевшей куклы и, посплюнявив свой кривой палец, опускала его в ёмкость, затем подходила к каждому избранному смельчаку и рисовала на лбу пеплом полосу, потом громко визжала ему в самое ухо, продолжая постоянно что-то шептать.

На этом обряд завершался. Журичи отправлялись в отдельно стоящий дом, где для них уже был приготовлен вкусный ужин и мягкие кровати. Вся деревня провожала их до условленного места и возвращалась обратно, продолжить празднование до позднего вечера, закрепляя все тосты в честь избранных смельчаков белым квасом и сладкими хмельными наливками из яблок. Жрецы-Журлики, в свою очередь, после окончания обряда предсказания судьбы наносили специальными приспособлениями особые знаки на камни, среди которых совершалось это таинство, а потом присоединялись к остальным жителям деревни. Утром, как только солнышко показывалось из-за горизонта, Веда приходила к Журичам и говорила каждому напут-

ствие. К примеру, не садись на камень – рискуешь прогневать призраков термитников или не ставь мешок с яблоками на дорогу, только на обочину, иначе обратного пути не будет. После напутствий и плотного завтрака смельчаки брали приготовленные ещё с вечера мешки с яблоками и острые кирки для отбивания соли, потом взвалив всё это богатство на спины, отправлялись в далёкий и опасный путь.

Пройдя по петляющей между холмов дороге, пробравшись через заросли мучника, они останавливались на ночлег. Рано утром, проникнув незамеченными сквозь долину термитников, они наконец достигали ущелья. Спускали вниз сначала яблоки, потом спускались и сами по верёвочной лестнице. Достигнув дна, Журичи отправлялись к жертвенному камню, где стояли огромные плетёные корзины. Высыпав яблоки, смельчаки следовали к другому краю ущелья, чтобы взобраться наверх и продолжить свой путь к пещере. Со временем верёвочные лестницы истлевали, приходили в негодность и могли в любой момент оборваться, поэтому свой спуск Журичи преодолевали по одному, а тех несчастных, которым суждено было сорваться вниз и погибнуть, хоронили прямо в ущелье, выкладывая их могилы круглыми камнями.

Такая смерть для Журчунов была священна, и погибших чествовали и почитали. Считалось, что они стали защитниками деревни от злобного Свиста и его слуг – призраков термитников. Теперь, по ночам, они будут обходить с дозором округу, дабы не допустить никаких злодеяний в яблонево-садах и за их пределами. О такой судьбе ночного защитника на обряде предсказаний Веда никогда не говорила, может, сама не знала, а может, у неё были на то свои причины. Верёвочную лестницу готовили заново и крепили на стену ущелья до следующего обрыва. Добравшись до пещеры, смельчаки отбивали куски соли со стен своими тяжёлыми и острыми кирками, складывали в мешки и отправлялись в обратный путь. Только на этот раз дорога шла над ущельем по ветхому мосту, преодолев который, а затем минуя владения призраков термитников, путники опять попадали в заросли мучника, где им снова предстояло нелёгкое испытание улитками. Далее были несколько витков по дороге среди холмов, и вот они, наконец, дома, где их ждут все жители деревни, ванна с отваром из яблоневых косточек и вкусное угощение, ведь возвращение отмечалось с не меньшим размахом, нежели проводы в поход.

История Лавруша

Лавруш был слишком мал, когда погиб их отец, и даже не успел его узнать, а вот ласковые руки матери, нежные колыбельные песни он помнил и всегда чувствовал её присутствие, даже когда стал почти совсем взрослым. Мама Сихара часто приходила к нему во сне, гладила по голове, целовала непослушные волосы на макушке. Такая родная, в цветастом передничке и чепчике с кучей кружевных оборочек и рюшечек, но всякий раз, когда она хотела что-то сказать, Лавруш

просыпался и долго ещё лежал с закрытыми глазами, стараясь хоть на мгновение задержать её образ.

Лавруш

Тётушка Алебана – родная сестра матери, добрейшей души создание, была очень похожа на Сихару, только чуть полнее и ниже ростом. У неё были такие же роскошные каштановые волосы с рыжим оттенком и аккуратные усики, обрамляющие пухлые губки. Количеству рюшек и оборок на её повседневной одежде не было конца, что уж говорить о праздничном наряде. Несмотря на свой весёлый нрав и привлекательный внешний вид, она никогда не стремилась выйти замуж, а может, просто ещё не встретила того единственного, с кем могла бы разделить свою наполненную кулинарными идеями жизнь. На любой случай у Алебаны был припасён рецепт какого-нибудь блюда или напитка от любой болезни, хвори или просто плохого настроения. Она верила, что её стряпня пусть хоть не вылечит недуг, но, по крайней мере, принесёт удовольствие.

После исчезновения Сихары она усыновила осиротевших братьев. Своих детей у неё не было, поэтому всю нерастраченную материнскую любовь она отдала племянникам. Быть самым младшим в семье Лаврушу очень не нравилось, пока не наступало время получать подарки или сладости, вот тогда всё самое вкусное доставалось ему в первую очередь. Стремление к приключениям, любопытство и жажда познаний проявились у Лавруша ещё в раннем детстве, когда он, забравшись под большую старую кастрюлю, выслеживал стрекозу возле колодца, даже не подозревая о том, что тётушка Алебана с братьями обежали всю деревню в поисках этого непоседы. Выгоревшие на солнце кудряшки Лавруша были ещё непослушнее, чем он сам, и каждый раз, когда тётушка пыталась его причесать, он убегал в кузню к дядюшке Юшеку или забирался на дерево. Разбитые коленки, расцарапанные руки, разорванные штаны или рубаха были постоянным дополнением к внешнему виду Лавруша, но каждый раз, когда его журили за очередную шалость, он только морщил нос, планируя очередное приключение.

Несмотря на безграничную любовь тётушки Алебаны, старшие братья Лавруша не отличались весёлым нравом и общительным характером, как раз наоборот, они росли неразговорчивыми, даже можно сказать нелюдимыми, всё время были заняты то в саду, то в орешнике, доставшемся им по наследству от отца – уважаемого и известного всем Кундуфа.

Глава когда-то очень дружной семьи Кундуф был избранным смельчаком – Журичем. Его крупная коренастая фигура, казалось, была высечена из камня. Силе и ловкости его можно было только позавидовать, мало кто отваживался соревноваться с ним. Уважаемый всеми Журич ходил в соляную пещеру пятнадцать лет подряд, но вот шестнадцатый раз оказался последним. Верёвочная лестница не выдержала и лопнула, когда до дна ущелья оставалось всего пара метров. Всё бы ничего, да внизу лежала кирка, на острие которой он и напоролся. Кундуф спускался первым, в след за мешками с яблоками, поэтому после обрыва помочь ему было некому. Связав вместе свои верёвки, Журичи хотели спуститься по ним вниз, но их длины хватило едва до половины ущелья. Им ничего не оставалось, как пойти обратно в деревню за помощью, но было потеряно много времени.

Вернувшись с новой верёвочной лестницей и достигнув дна ущелья, смельчаки не нашли там Кундуфа ни живым, ни мёртвым, кстати, яблоки и рюкзаки с кирками для добычи соли тоже пропали. Журичи решили осмотреть ущелье более внимательно, в поисках хоть каких-то следов Кундуфа и инструмента для добычи соли, но внезапно послышался звук, похожий на завывание ветра, а дуновения почему-то не последовало. Скучная растительность даже не шелохнулась, волосы и усы смельчаков тоже остались неподвижными, а вой урагана всё приближался и становился таким громким и страшным, что Журичи бросились к другому краю ущелья в надежде поскорее выбраться на поверхность. Добыть соль из пещеры, не имея при этом нужного инструмента, было практически невозможно, но Журичам повезло, ведь с прошлого похода осталось достаточно отбитой соли, вот её-то они и набрали. В тот раз смельчаки принесли только три мешка, а этого могло не хватить для приготовления нужного количества лосьона, но выбора не было ни у Журичей, ни у жителей деревни.

Сихара осталась одна с четырьмя детьми. На её хрупкие плечи легло хозяйство, яблоневый сад, пасека и орешник, где семья выращивала фундук и арахис. Старшему сыну Вадоклаву было тогда шестнадцать, и он стал самым главным её помощником, второму – Асилу – десять, Навиду, третьему сыну, – восемь, а самый младший Лавруш только родился и представлял из себя маленький кричащий комочек. Возраст у Журчунов считался не по летам и годам, а по осеням, поэтому правильней было бы сказать не шестнадцать или восемь лет, а шестнадцать и восемь осеней. Осень вообще у Журчунов почиталась и знаменовалась не только праздником сбора урожая и проведением обряда выбора смельчаков для похода в соляную пещеру, но ещё и началом нового витка жизни. Деревня вместе с её замечательными жителями – трудолюбивыми и весёлыми Журчунами, среди которых были музыкальные Журлики, а также смелые и отважные Журичи, продолжала жить. Жизнь продолжалась для всех, кроме Сихары.

Бедная вдова не могла поверить в смерть своего любимого мужа, ведь мертвым его никто не видел, а значит, и утверждать, что его нет среди живых никто не имеет право. Обращение к ведунье не принесло никаких результатов, словно мудрость покинула старуху. Веда не стала с ней общаться, даже не открыла дверь, лишь испугано озиралась по сторонам, прислушиваясь к удаляющимся шагам Сихары, и теребила в руках свою вязаную шаль. В дубоносном доме, заполненном дымом, медленно уползающим по щелям, стоял сильный запах табака. Старуха стала ходить по комнате, хаотично размахивая шалью, словно пытаясь вместе с дымом выгнать очередное страшное видение. Всего несколько минут назад она снова видела его – путника с котомкой и посохом в руке, который, распахнув свои лохмотья, издал тот пронизывающий звук, от которого до сих пор мурашки по спине. Невидимые руки уже сжались на горле, стало трудно дышать, паника и безысходность, страх перед смертью и боль, жуткая боль. Неизвестно, чем бы закончилась очередная встреча Веда с путником, если бы в дверь не постучала заплаканная и несчастная Сихара. Чтобы не выдать своего страха и волнения, пережитого всего несколько мгновений назад, колдунья просто не открыла ей дверь, хотя в глубине души сочувствовала и сожалела о произошедшем с её мужем. Вот только именно гибель Кундуфа она, несомненно, связывала с пророчеством, которое должно было в корне изменить жизнь деревни. По её предположениям, оставалось каких-то 15-20 лет, может, и меньше. Пророчество начинало постепенно сбываться, но Веда никому и никогда не открывала этой страшной тайны.

После неудачного визита к ведунье Сихара направилась в кузницу, где трудился её младший брат Юшек – весёлый кареглазый Журчун с густыми чёрными усами и бородой, с неизменной повязкой вокруг массивной головы, которая придавала какой-то особый статус его внешности, делая её суровой и мрачной на первый взгляд. Но стоило Юшеку, закончив свою работу, выйти из кузни, он сразу перевоплощался в большого добряка с ямочками на толстых щёчках и озорным огоньком в глазах. Он столько раз безуспешно пытался утешать сестру, но, видя её неуёмные страдания, именно в тот раз в сердцах резко сказал, что в конце концов пришло время выбрать: зачахнуть от тоски по мужу, ставшему ночным защитником деревни и яблоневых садов от злобного Свиста, или найти в себе силы жить дальше ради своих сыновей. Сихара ничего не ответила ему, лишь закрыла лицо руками и беззвучно зарыдала от горя и бессилия. На следующее утро она пропала, оставив записку для сестры Алебаны, где просила позаботиться о своих детях, если она не вернётся из похода в поисках Кундуфа. Жаль вот только послание Алебана обнаружила поздно, после вечерней дойки коз.

Тут же было решено собрать отряд для поисков Сихары, но ночью покидать пределы деревни было небезопасно, если не сказать больше – просто убийственно. Именно в это время злобные тени из термитников выходили на поиски своих новых жертв. Следующим утром трое Журичей, которые сопровождали Кундуфа в том злополучном походе, отправились на поиски Сихары. Пройдя через заросли мучника, они решили заночевать, дальше была территория призраков термитников – верных слуг злобного Свиста, поэтому было бы глупо подвергать себя такой опасности. Ночь выдалась беспокойная, тени подбирались слишком близко к лагерю Журичей, не обращая внимания на большой костёр. Да и улитки на этот раз казались особенно злыми, зуд от их щетинок не давал покоя. Так и просидели до рассвета, попивая отвар из яблоневых косточек, который хоть немного успокаивал зудящую кожу.

С первыми лучами смельчаки продолжили свои поиски, но буквально через несколько метров обнаружили сначала чепчик возле кострища, а затем и котомку Сихары. Естественно, её самой, так же как и дальнейших следов, попросту не было. Нетрудно догадаться, что вдова стала пленницей призраков термитников, а значит, теперь они с Кундуфом по разные стороны добра и зла. Забрав то, что удалось найти, Журичи вернулись в деревню. Если бы Сихара устроила привал немного ближе к зарослям мучника, то, возможно, избежала бы этой участи.

Владения призраков термитников начинались как раз возле того валуна, где избранные смельчаки нашли её чепец. Страшная весть о пропаже Сихары повергла жителей в шок. Её старший сын, услышав о безрезультатных поисках матери от Журичей, поклялся, что он обязательно достигнет нужного уровня подготовки и отправится в ущелье в поисках следов отца и спасёт свою мать из плена призраков термитников, а потом будет каждую осень добывать целебную соль из пещеры для жителей деревни. Мало того, он твёрдо решил подготовить братьев таким образом, чтобы они могли проделать весь этот опасный путь вместе.

С тех пор старший из братьев, по имени Вадоклав, просто помешался на этой идее. Изнурял себя тренировками, воспитывал и обучал своих братьев, как мог заменял им отца. Но время притупляет любую боль, оно неумолимо течёт, не останавливаясь даже чтобы передохнуть или полюбоваться красивым рассветом.

Лето сменяла осень, зиму – весна. Братья росли, осваивали, помимо заботы о яблоневом саде и орешнике, попутные профессии. Дядя Юшек взял Вадоклава к себе подмастерьем в кузницу. Старший из братьев, наверное, был самым угрюмым и нелюдимым, хотя больше всех походил на своего отца, особенно в шляпе с полями, которую никогда не снимал, казалось, даже спал в ней. Зарекомендовав себя прилежным учеником, он вскоре стал хорошим кузнецом. Ему под силу было подковать самую строптивую пони из деревенского табуна. Поговаривали даже, что он знает язык животных, потому что обучил лесных куниц приносить ему змей, из шкур которых он мастерил украшения для седел и лошадиную сбрую.

Своим увлечением он заразил и среднего брата Асила, но основным ремеслом для себя тот всё же выбрал врачевание животных, а лесные куницы, облюбовав чердак над его комнатой, частенько суетились на подоконнике в надежде получить что-нибудь вкусненькое. Асил тоже был немногословен, как и старший брат, и выбранная профессия как нельзя лучше подходила его характеру. Со своими пациентами он общался на языке жестов и чуть слышного шёпота, и они, как ни странно, понимали его. Конечно, он уступал старшему брату и в силе, и в целеустремлённости и зачастую не разделял его взглядов, только никогда не высказывал своих недовольств, считая, что это пустая трата времени, ведь редко кому удавалось переубедить Вадоклава. Большие добрые карие, почти чёрные глаза, мягкие, даже немного женственные черты лица, всегда собранные в хвост тёмнорыжие волосы и закрученные спиралькой усы, таков был

Асил.

По духу и характеру ему всегда был ближе другой брат – Навид, который, достигнув определённого мастерства в плетении корзин и мебели из прутьев орешника, уже общался с Асилом на равных. Своим мастерством Навид очень гордился, от заказов не было отбоя, он даже комнату свою оформил с использованием всевозможных плетений. Зачастую они перемывали кости Вадоклаву, обсуждали его одержимость по поводу спасения родителей. Нет, они были не против обрести их снова, но методы достижения цели, предложенные Вадоклавом, казались братьям нереальными.

Старшие братья все были при деле, один лишь Лавруш не мог выбрать себе занятие по душе. Он сильно отличался от братьев, такой общительный, открытый и очень весёлый, с ранних лет мечтал стать Журликом и записывать песни ручьёв. Вот только эта идея не нравилась братьям, а Вадоклав даже и слышать об этом не хотел. Как же он мог позволить младшему брату разрушить клятву, данную им самим перед избранными смельчаками много лет назад? Каждый день приближал Вадоклава к намеченной цели. Только добрая тётушка Алебана с пониманием относилась к желанию Лавруша и всячески подбадривала его, предлагая записывать ноты ветра в яблоневых садах. Лавруш только смеялся в ответ,

Вадоклав

Асил

Навид

поднимал её на руки и начинал кружить по двору. «Я сделаю это, – говорил Лавруш, – когда выдам тебя замуж». В ответ Алебана старалась сделать суровое лицо и пожурить племянника, но он только заливался звонким смехом, журчащим, как маленький ручеёк. Братья не принимали Лавруша всерьёз и относились, как к неразумному ребёнку. Вадоклав порой был с ним строг, зачастую жесток, но весёлый и добрый нрав младшего брата не позволял долго ни на кого злиться. Немного погрузив, он тут же находил себе другое занятие по душе.

Со дня исчезновения мамы Сихары прошло уже 13 осеней, а тремя осенями ранее погиб Кундуф, их отец – самый почитаемый избранный смельчак деревни. Братья исправно тренировались все эти годы. Вадоклаву посчастливилось уже дважды ходить в соляную пещеру, но сопровождающим его Журичам совсем не хотелось оставаться в ущелье больше положенного срока, и желание прочесать местность в поисках останков Кундуфа они не одобряли. На последнем обряде предсказания судьбы, после выбора смельчаков, Веда сказала Вадоклаву, что если он хочет достичь своей цели, то должен дожидаться, когда придёт время для самого младшего брата Лавруша, а до тех пор его стремление и других братьев стать Журичами равно нулю.

Вадоклав был в бешенстве, ведь теперь приходилось ждать, когда у Лавруша вырастут усы, но, как на зло, растительность на лице брата не спешила появляться. Почти каждый день он рассматривал его в надежде увидеть хоть один волосок, но всё безуспешно, а Лавруш, в свою очередь, исправно выщипывал растительность на лице, дабы отсрочить участие в обряде по выбору смельчаков. Молодому Журчуну совсем не хотелось участвовать в бредовой, по его мнению и мнению Навида и Асила, затее старшего брата. У него было своё видение ситуации, но он не спешил раскрывать свой замысел. Конечно, очень хотелось освободить свою маму из плена призраков термитников, а также найти следы своего отца в ущелье, но он считал, что надо действовать по-другому, а не являться так открыто перед злобным Свистом, тем самым провоцируя его. Для начала нужно изучить более подробно призраков из долины термитников, понаблюдать за ними, выяснить все их слабые стороны, найти возможность или другой путь для проникновения в ущелье.

Несколько раз Лавруш пробовал озвучивать свои предположения и идеи, но это только злило упрямого Вадоклава и смешило Навида и Асила. Никто из них даже не слышал Лавруша. Ему ничего не оставалось, как поговорить со старой ведуньей до того, как он примет участие в состязаниях. Только вот увидеться с колдуньей, а тем более вступить с ней в диалог было невозможно. Последнее время колдунья никого не принимала и вела отшельнический образ жизни в своём дубоносном домике. Но Лавруш не сидел сложа руки, собирал информацию о злобном Свисте, о его коварных слугах, расспрашивая старых Журчунов, читал старинные тексты на страницах летописных книг в красивых переплётах из чешуи златопёрой рыбы, которые хранились в закромах Журликов, благо с ними у Лавруша был полный контакт. Обладая феноменальной памятью и несмотря на запреты брата, он, в тайне, без труда овладел их знаниями и умением. Теперь молодому Журчуну осталась лишь самая малость – убедить Вадоклава пойти другим путём для достижения их общей цели.

Лавруш крепко спал, утомлённый расшифровкой очередного письменного послания предков, когда к нему пришёл Вадоклав. Брат наклонился над спящим, и, о горе, разглядел на его лице несколько маленьких волосков над верхней губой. Ликованию Вадоклава не было предела, таким возбуждённым его никто никогда не видел. Лавруш спросонья не сразу понял причину сбора родственников в его комнате в столь ранний час. Вскоре до него дошло, что, просидев до утра над одной трудной фразой из послания, он забыл проверить наличие зарождающихся усов и поплатился за это. Лето подошло к концу, через пару недель будет сбор нового урожая яблок, а после этого состязания по выбору смельчаков.

Времени больше не оставалось, придётся покориться судьбе и отправиться на верную погибель в ущелье, но тут у Лавруша созрел план. Оставалась единственная возможность пообщаться с ведуньей, это принести ей табак, который давно уже подсох и хранился у Журликов в хранилище, приготовленный для использования в обряде предсказания судьбы.

Проникнуть в хранилище у него труда не составило. Лавруш попросил тётушку Алебану испечь шарлотку и пошёл к Журликам в гости. Пока они были заняты чаепитием, Лаврушу удалось добыть табака и спрятать в потаённом кармане своей шляпы. Оставалось незаметно подобраться к дому ведуньи, но это оказалось не так просто.

Осенью, когда пеликаны выкормили своих птенцов, у них появлялось много свободного времени, чтобы поболтать с соседями, обсудить предстоящий маршрут для перелёта в тёплые края, пока их подросшие дети отрабатывали навыки ловли рыбы на «гиблой» реке. Самым излюбленным местом встречи они выбрали лужайку вокруг дома ведуньи. Птичий галдёж и хлопанье крыльев не мешал старухе, а даже наоборот, от пеликанов Веда узнавала много новостей, не выходя из дубоносного домика. Любой житель деревни, приближающийся к дому колдуньи, попадал в поле зрения птиц, которые тут же начинали болтать с ним или между собой о нём, так что остаться незамеченным не получалось. Лаврушу очень хотелось оставить в тайне свой визит к ведунье, так как прекрасно понимал, что все только о нём и говорят, словно о судьбоносной части будущего всей деревни.

Утром, когда туман с «гиблой» реки был особенно густой и осенняя прохлада напоминала о скорейшем приближении холодов, пеликанов возле дома не было, они прилетали немного позже, когда хозяйки начинали выводить своих коз и пони со двора в общее стадо, тогда у пеликанов появлялось много тем для обсуждений и сплетен.

Наставления старой ведуньи

Ведунья проснулась от холода. В темноте нащупав свою вязаную шаль, она закуталась в неё и отправилась посмотреть, откуда так сильно сквозит. Окно в комнате оказалось открытым, хотя с вечера Веда закрывала его. Казалось, что туман за окном был настолько густым, что сумел приоткрыть его и проникнуть в дом. Медленно заползая в окно, он оставался таким же густым, как и за его пределами, постепенно заполняя комнату. Ведунье стало страшно, и она поспешила укрыться в спальне, но дверь перед самым её носом захлопнулась, и Веда застыла в оцепенении, боясь оглянуться назад. Медленно повернув голову, ведунья увидела его. Путник в лохмотьях с посохом и котомкой явился в её дом и явно не с добрыми намерениями. В следующее мгновение невидимая сила швырнула ведунью в плетёное кресло. Оцепенев от страха, она смотрела на путника не в силах пошевелиться. Лицо незваного гостя скрывал капюшон, и Веда не могла видеть его, но когда путник обратил на неё свой взор, прижав ведунью посохом к спинке кресла, она увидела, что вместо лица под капюшоном зияет чёрная дыра. Веда стала кричать, но её воплей никто не слышал, даже она сама. Вдруг внутри себя она услышала голос, обращённый к ней от незваного гостя: «Верни то, что принадлежит мне, пророчеству не суждено сбыться, я заберу твою жизнь, если не получу то, за чем пришёл». Путник ослабил посох, желая получить ответ на свой вопрос. Немного обмякнув в плетёном кресле, Веда дрожащим, но полным решительности голосом ответила:

Я пожила достаточно на этом свете, и, забрав мою жизнь, ты окажешь мне услугу, но я не понимаю, что должна вернуть и о чём ты говоришь?

Ты такая же упрямая и глупая, как и раньше. Мне не удалось тебя убить много лет назад, эти безмозглые птицы помешали довести дело до конца, но сейчас ты в моей власти, и никто не сможет тебе помочь. Даю тебе шанс сохранить свою ничтожную жизнь.

Если моя жизнь настолько ничтожна, как ты говоришь, то и сохранять её незачем. А вот ход событий изменить невозможно, всё равно случится то, что должно случиться, и ты не сможешь этому помешать.

На твоём месте я не был бы так уверен, глупая старуха, – путник стал выходить из себя, надавливая всё сильнее посохом на горло ведунье.

В следующий момент солнечный зайчик, скользя по фигуре путника, угодил прямо под капюшон, это первый луч света, отразившись в зеркале, устремился на помощь задыхающейся ведунье. Резко отвернувшись, незваный гость распахнул лохмотья, и снова этот леденящий звук заполнил собой всё пространство. Туман быстро уполз в открытое окно, и через мгновение всё стихло, словно и не было вовсе. Веда, выпав из кресла, скорчилась от дикой боли на полу, её бил жуткий кашель и не хватало воздуха для вдоха. Сильные руки подняли её высохшую фигуру и положили на кровать. Придя в себя, Веда увидела склонившееся над ней лицо молодого Журчуна с испуганными глазами и растрёпанными на макушке волосами.

Зачем ты пришёл? – откашлявшись, прошептала старуха.

Я Лавруш, сын Кундуфа.

Я не спрашиваю, кто ты, я спросила, зачем ты пришёл?

Да так, проходил мимо и решил спасти тебя от какого-то ненормального в лохмотьях. Не знаю, на каком инструменте он играл, но явно сфальшивил, да к тому же палку свою забыл, – и Лавруш указал на то место, где всего несколько минут назад лежал посох путника, но ничего не увидев, продолжил, – наверное, она у него дрессированная, ушла следом за своим сумасшедшим хозяином.

Не смей врать мне, мальчишка! Я не для того прожила столько на свете, чтобы слушать подобный бред.

Ой, простите, уважаемая ведунья, – стал было оправдываться Лавруш. – Видно, Вы давно не виделись со странным гостем, раз он чуть не задушил Вас в объятиях.

Старая ведунья Веда

Смолкни, невежа, и отвечай на вопрос! – рассердилась колдунья.

Если честно, госпожа ведунья, я пришёл за советом, а ещё мне нужна информация о призраках термитников и жутком Свисте, обитающем в ущелье, – на одном дыхании выпалил юноша.

А не слишком ли ты многого хочешь? Откуда в тебе такое стремление к подобным знаниям? Расскажи мне то, о чём я пока не ведаю, – сменив тон, заговорила старуха.

Лавруш кивнул головой в знак согласия и преподнёс ведунье курительную трубку, уже набитую табаком, добытым из хранилища Журликов. Веда ещё больше подобрела, оценив этот знак внимания со стороны молодого Журчуна, и молча указала трубкой на отсутствие огня в камине.

Укладывая дрова в топку, Лавруш начал повествование о том, что привело его в дубоносный дом в столь раннее утро. Он рассказал ведунье о своих опасениях по поводу участия в обряде выбора смельчаков, о безумном стремлении своего старшего брата отыскать следы отца в ущелье, о том, что план спасения мамы Сихары стоит более тщательно обдумать и дополнить, и именно для этого нужна достоверная информация о сущностях, живущих в термитниках. Далее Лавруш поведал о своём проникновении в окно гостиной, и сразу стало понятно, кто впустил зловещий туман. Рассказал, что, затаившись за шторой и набивая курительную трубку табаком, не заметил, как комната наполнилась белой пеленой, а потом всё произошло так быстро, даже непонятно было, происходит это на самом деле или просто чудится.

Откуда ты узнал про зеркало? – внимательно выслушав Лавруша, спросила ведунья.

Я ничего не знал, всё получилось случайно. Когда незваный гость стал вести себя агрессивно, я нащупал что-то в темноте, чтобы запустить в него, ну вот, под руку попало зеркало, в котором и отразился первый луч света, но я совсем не думал, что солнечный зайчик сможет так напугать и даже прогнать его.

Его напугал совсем не первый луч света, солнечным зайчиком скользнувший под капюшон, моего гостя обратило в бегство само зеркало. Путник не должен видеть своего отражения, иначе оно поглотит его в чёрную бесконечность.

А что он просил вернуть? Что у тебя есть такое, что принадлежит ему?

Слишком много вопросов. Это давняя история начинает возвращаться, чтобы, наконец, завершиться, – заговорила ведунья, жалея, что мальчишка стал свидетелем их разговора.

Какая история, Веда? Может, достаточно всех этих секретов, незваных гостей и бредовых идей? Моя жизнь и жизнь моих братьев зависит от правильности решения, которое надо принять, иначе будет поздно. Вадоклав сказал, что на предстоящем выборе смельчаков, запланированном на последний день сбора урожая в садах, я буду самым значимым участником. Мне кажется, что вся деревня обо мне только и говорит. Даже пеликаны без умолку сплетничают на эту тему. Но я не смогу преодолеть всех этих проверок и силовых упражнений. Посмотри на меня, ну, какой я Журич? Да я мешок с яблоками поднять не смогу, здесь другая тактика нужна, строгий расчёт и мудрая мысль. Мне необходим твой совет, госпожа ведунья.

Запахавшись от эмоций, Лавруш закончил свой рассказ и устался на ведунью в надежде на чудо, но его не произошло. Покашляв, старуха села на кровати, не выпуская забитую трубку из рук. «Помоги мне подняться», – прохрипела она. Лавруш выполнил её просьбу и, удобно усадив в плетёном кресле, укрыл вязаной шалью. Веда молча взяла курительную трубку в рот, убрала за уши свои длинные, но жидкие усы и кривым пальцем указала Лаврушу на камин. Молодой Журчун повиновался и принёс лучину из огня. Старуха медленно раскурила трубку, а потом устала в окно. Лавруш стоял в недоумении и, нарушив тишину, спросил: «Так что ты мне ответишь, госпожа ведунья?» «Уходи! – сказала она. – Мне надо подумать, но сначала принеси зеркало. Приходи завтра за два часа до восхода, я буду готова к общению».

Лаврушу ничего не оставалось, как отправиться восвояси.

Выйдя во двор, он нос к носу столкнулся со старым пеликаном Лирой, он одним из первых прилетел к дубоносному домику, дабы получить свежие новости и занять лучшее место для просмотра окрестностей, чтобы ничего не могло ускользнуть от его немного раскосых глаз.

Приветствую тебя, дядюшка Лира, – вежливо поздоровался Лавруш, не показав вида, что готов был провалиться сквозь землю, лишь бы его никто не заметил, тем более пеликан.

Доброе утро, юноши, – щуя глаза, ответил пеликан.

Косоглазие с возрастом только усугубилось, и иногда при слабом освещении у него двоилось в глазах. Лавруш уже успел обрадоваться, что старый дядюшка Лира его не признал и, мало того, принял за двоих юношей, но встряхнув головой пеликан вдруг воскликнул:

Лавруш, мальчик мой, ты стал таким взрослым, что дядюшка Лира тебя не признал. Что ты здесь делаешь в столь ранний час?

Да вот, у тётушки Алебаны убежала коза, так я вызвался её найти.

Странно, я только что говорил с Алебаной, и все козы были при ней.

Дядюшка Лира, видно, коза сама нашлась. Ты только не говори, что видел меня, а то тётушка меня заругает.

Ну конечно, Лавруш, я и сам был молод и любопытен, постоянно хотел узнать немного больше, чем положено пеликану. Конечно, я никому не буду говорить о нашей встрече.

Лавруш уже успел вздохнуть с облегчением, но пеликан добавил:

Я только расскажу своему кузену Сурику о том, как ты изменился, возмужал, ведь скоро ты будешь участником обряда по выбору смельчаков, станешь Журичем. А ещё мой приятель из народа Гудди часто спрашивает про тебя.

Лавруш на мгновение представил, что громкие рассказы на ухо глухому кузену Сурику будет слышать практически вся округа, и решил продолжить разговор с пеликаном.

Дядюшка Лира, если ты расскажешь обо мне кузену Сурику, то тебе придётся делиться с ним медовыми яблоками, которые я завтра тебе принесу.

Ну что ты сразу не сказал, Лавруш! Я тебя не видел! – весело прокричал пеликан и поковылял занимать место поудобнее.

Дядюшка Лири

Провожая глазами удаляющегося дядюшку Лиру, Лавруш пытался понять, кто же такой этот приятель из народа Гудди и что это вообще за народ такой? Но потом решил, что Гудди всего лишь фантазия старого пеликана, и продолжил свой путь по направлению к дому.

Его появление было как раз вовремя, Вадоклав нервно ходил по двору и явно был в чудовищно плохом настроении. Всегда выдержанный и холодный на эмоции, брат заметно нервничал. Асил и Навид стояли здесь же неподвижно, опустив широкие поля шляп, дабы скрыть свои лица, шёпотом вели разговор.

Ну куда же подевался Лавруш, лесная куница его забери? – растерянно шептал Асил.

Может, спрятался под подол к тётушке Алебане, чтобы мы его не нашли? – съязвил Навид.

Братья всегда подшучивали над Лаврушем. Он был намного моложе их, не говоря уже о Вадоклаве, разница с которым составляла 16 осеней. Тётушка Алебана на самом деле любила и баловала его больше остальных, ведь он был совсем крохой, когда лишился родителей.

Ну наконец-то, лесная куница тебя принесла! – воскликнул Вадоклав, увидев растерянного Лавруша. Казалось, от нетерпения у старшего брата покраснели даже усы.

Прости, брат, я не думал, что понадобится тебе так рано, – пытался оправдаться Лавруш.

Молчи и слушай. Ты должен более усиленно начать тренироваться и использовать наш чудесный лосьон, чтобы успеть до начала соревнований не только приобрести хорошую форму, но и вырастить усы побольше. Ты для нас самая главная часть, как сказала ведунья. На тебя возлагается слишком большая ответственность, чтобы так бездарно проводить время непонятно где. Иди с братьями в сад и начинай работать, сегодня надо успеть обобрать краснобокие яблоки, иначе перезреют и начнут падать сами. А вечером хочу видеть тебя на тренировке, и не вздумай опаздывать, я тебя знаю. Вас это тоже касается, – обратился он к Асилу и Навиду.

Проходя мимо, старшие братья потрепали Лавруша по непослушным волосам на макушке и, приобняв за плечи, пошли вместе с ним выполнять приказание Вадоклава. Поработав немного в саду, после бессонной ночи и очень насыщенного утра, Лавруш стал засыпать прямо на ходу. Тогда Навид принёс старый плетёный сундук для сбора яблок и уложил на него младшего брата, укрыв своей мягкой жилеткой, а потом вместе с Асилом отправился выполнять недоделанную часть работы Лавруша, чтобы им не влетело от Вадоклава. Через пару часов крепкого сна молодой Журчун уже готов был покорять новые вершины. На вечерней тренировке старший брат опять остался не доволен младшим, хотя тот старался изо всех сил, но для Лавруша это было уже неважно.

По дороге домой он попросил у Асила лесную куницу, сославшись на то, что в комнате завелись мыши. Но на самом деле он просто боялся проспать визит к ведунье, а куница всегда начинает охотиться за два часа до рассвета и наверняка будет проситься, чтобы её выпустили на поиски добычи, а значит, обязательно разбудит.

Лавруш проснулся от хаотичных прыжков по кровати. Ему показалось, что он всего мгновение назад коснулся подушки, и тут куница уже скачет, как заведённая. С вечера, чтобы сэкономить время, он лёг в одежде, а сейчас, быстро скинув одеяло, сунул ноги в валяные чуни и поспешил вылезти в окно, следом за голодной куницей. Веда не спала, сидела в плетёном кресле, прижимая к груди зеркало под вязаной шалью. Дверь была открыта, и Лавруш смог проникнуть в дом без особого труда. Казалось, ведунья смирилась со своей судьбой, но всё-таки продолжала верить, что зеркало её спасёт при очередной неожиданной встрече с путником, а это значит, сила к борьбе ещё теплилась в её высохшем с годами тельце.

Приветствую тебя, госпожа ведунья, – вполголоса промолвил Лавруш, пытаясь в полумраке рассмотреть колдунью.

В её таинственном дубоносном доме бывали только приближённые к ведунье, простым жителям деревни это священное место было закрыто. Казалось, что помимо старухи там обитает некая тайна, за годы пропитавшая каждый сантиметр дома. Она скрывалась в камине, в ящиках старого комода, в глиняных горшочках на покрытых столетней пылью полочках, в зловещей паутине на чердачном окне, а особенно в мощном стволе дуба, растущего из земли через весь дом. Тайна была повсюду, даже в маленькой, высохшей фигурке ведуньи.

Ты опоздал! – каким-то чужим и очень холодным голосом отозвалась Веда из полумрака комнаты. Похоже, что она давно уже ждала молодого Журчуна и ей это порядком надоело. В камине трещали дрова, в воздухе стоял запах чего-то очень знакомого и приятного.

Я не специально, просто куница решила отправиться на охоту немного позже, чем обычно, – попытался снова оправдаться Лавруш.

Да уж, вместо мышей она предпочла сегодня твои деревянные гусли!

Как? Она что их погрызла? Вот чудовище! А я никак не мог понять, откуда у меня на кровати столько мелких опилок!

Поражённый такой неслыханной наглостью куницы, Лавруш заходил по комнате, нервно приглаживая торчащие волосы на макушке. Потом вдруг на мгновение замер и обратился к ведунье: «Постой! А откуда ты знаешь про гусли?». Журчуну стало безумно стыдно, потому что о том, что он стащил

Гусли

из закровов Журликов старинные, рассохшиеся гусли, починил их, а потом упражнялся в отсутствие братьев, убегая в сад, подальше от дома и любопытных глаз. Конечно, делясь с Лаврушем своими знаниями, тайно от всех, Журлики могли подарить ему исправные новые гусли, но те, которые хранились в укромном месте, среди летописных книг, привлекали молодого Журчуна с непреодолимой силой, словно просили, чтобы их забрали с собой. Однажды он прокрался в хранилище летописей, воспользовавшись прибытием делегации от пеликанов за порцией медовых яблок, и забрал гусли. Их чудный звук будоражил Лавруша до самого сердца, он не понимал, что происходит, но ему безумно нравилось это ощущение полёта, извлекаемое из инструмента. Чувство стыда перед ведуньей и горечь от содеянного куницей так расстроили Лавруша, что он готов был разрыдаться, не зная, что делать, что сказать, как поступить. Трагичность ситуации разбавил голос Веды.

Не расстраивайся, повреждения незначительные, просто в следующий раз будь внимательнее к таким судьбоносным вещам, оставленным нашими предками в назидание следующим поколениям. Ты должен научиться отвечать сам за свои поступки, не искать оправданий в сложившихся ситуациях и не переваливать вину на других.

Веда, откуда ты знаешь про гусли? – ещё раз спросил Лавруш в надежде услышать, что это всего лишь догадка.

Я много чего знаю, но и многого не ведаю. Например, смогу ли дожить до обряда выбора смельчаков или даже до следующего утра, сие мне неизвестно, но вот поделиться с тобой своим видением ситуации о предстоящей дороге я готова. Долго думая над твоим вчерашним рассказом, поняла, что не могу предугадать итог этого похода в соляную пещеру, но в одном я уверена – быть тебе Журичем с душой Журлика. – Как это понять?

Не перебивай, а просто слушай, – заговорила ведунья. – Для начала возьми вот это, – старуха положила что-то ему в ладонь и сильно сжала руку. – Сейчас ты отправишься к нашей матушке Ялуне – старой яблоне, у которой мы просим хорошего урожая для наших садов каждую весну. Она кажется давно высохшей, но в ней есть сила, которая необходима и тебе. Как только первые лучи солнца окрасят горизонт, ты должен закопать то, что я тебе дала возле

самых корней яблони, а затем заберись на самую высокую ветку и жди, пока солнце полностью покажется на небе. После этого ты сам поймёшь, как поступить тебе дальше. Ступай и ничего не бойся, пока ты будешь рядом с деревом, оно защитит тебя, а сейчас торопись, рассвет уже близко. Всё, ступай! – Веда отвернулась от Лавруша и уставилась в окно, крепко прижимая к себе зеркало под вязаной шалью.

Знакомство с яблоней Ялуней и злобным Свистом

Лавруш выбежал из дома и помчался что есть духу к старой засохшей яблоне. Неизвестно откуда взявшиеся силы позволили ему достичь цели за считанные минуты. Так быстро Лавруш ещё никогда не бегал. Прибыл на место как раз вовремя, первый луч солнца уже начал пробиваться из-за горизонта. Он вырыл небольшую ямку возле самых корней дерева, но вот сразу положить туда то, что дала ему ведунья, Лавруш не решился, уж больно интересно стало, что же это такое?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.